

Великая Кантовская Трансцендентальная Революция, или Как заключить «контракт» с Кантом – от онтологии к «архитектуре» субъекта

Настоящим занятием мы открываем новую веху. До этого момента мы, по сути, лишь разминались, постепенно наращивая сложность. Теперь же пришло время для подлинного погружения в философию. Сегодняшняя тема меняет очень многое, и ее масштаб таков, что простое объявление имени философа на доске было бы неуместным.

Тема нашего разговора — **Великая Кантовская Трансцендентальная Революция**. Сама эта формулировка, произнесенная с должной интонацией, служит лучшей презентацией того, о чем пойдет речь. В этом названии заключены два ключевых слова, которые станут предметом нашего подробного рассмотрения: фамилия «**Кант**» и устрашающий термин «**трансцендентальная**».

Настройка оптики: не «что», а «как»

Обычно, приступая к изучению того или иного мыслителя, мы концентрируемся на содержании его учения: что именно он написал, какие идеи высказал. Мы стремимся пересказать это содержание, перевести его с философского языка на обыденный и таким образом разобраться в сути. С **Кантом** такой подход не просто недостаточен — он губителен.

Приступая к изучению **Канта**, необходимо постоянно удерживать в сознании два измерения, два фокуса внимания:

1. **Что** было сказано, то есть фактическое содержание его произведений.
2. **На каком уровне** это было сказано.

Различие между этими уровнями принципиально. Например, простой верующий человек говорит о Боге, исходя из своего личного опыта. **Лейбниц** тоже говорит о Боге, но он делает это на совершенно ином уровне, теоретизируя в рамках своей сложной монадологии. Для внешнего наблюдателя оба говорят об одном и том же — о религии. Но это поверхностное сведение разных уровней к общему знаменателю и есть то, что мы постоянно делаем, "забалтывая" важнейшие философские темы. С конца XVIII века мы берем сложнейшие концепции, знакомимся с их содержанием — через учебник, статью в Википедии или даже оригинальное произведение — и, не уловив уровня, на котором велось рассуждение, ничего по-настоящему не понимаем. Мы инстинктивно стремимся свести все к привычному нам уровню обыденного сознания, потому что это не требует внутренней ломки.

Кант же требует именно такой ломки, раздвоения перспективы. Поэтому вся сегодняшняя лекция будет посвящена не столько тому, *что* писал **Кант**, сколько тому, *как* его следует воспринимать. Наша задача — настроить вашу интеллектуальную оптику.

Невозможность упрощения и новый язык философии

Эта двойственность восприятия делает **Канта** катастрофой для научпопа. Научпоп строится на пересказе сложного простым языком. Но при упрощении **Канта** неизбежно теряется тот самый уровень, на котором он мыслил. Сосредотачиваясь на содержании и опуская уровень, мы выплескиваем с водой ребенка.

Поэтому наш подход будет иным. Мы разменяем сложность кантовского текста на длительность его изучения. Если на **Юма** мы потратили семь лекций, то на **Канта** уйдет время, сопоставимое с изучением **Юма**, **Лейбница** и **Спинозы** вместе взятых. Мы будем вгрызаться в его мысль медленно, постоянно комментируя не только содержание, но и способ его восприятия. Иного пути к подлинному пониманию **Канта** не существует.

Важно осознавать, что **Кант** — это не одна тема, а, по сути, три разные философии. Более того, именно с него, по сути, и начинается та философия, которую мы знаем сегодня как академическую дисциплину: она зародилась в результате университетской реформы в Германии XVIII века. Тогда философия отделилась от естествознания, став "наукой наук", обобщающей результаты других дисциплин. И тот факт, что аспиранты по сей день сдают кандидатский минимум по философии, — прямое наследие той эпохи.

Одним из следствий этого нового статуса стало формирование собственного философского языка. Сложность **Канта** во многом обусловлена тем, что он писал уже не на естественном языке (латыни или немецком), дополненном специальными терминами, как **Декарт** или **Лейбниц**, а на самостоятельном, *концептуальном философском языке*. Этот язык нужно учить, как иностранный или язык программирования. Именно **Кант** положил начало тому, что иногда пренебрежительно называют "птичьим языком", на котором говорят философы, оставаясь непонятными для "непосвященных". Изучение этого языка, созданного **Кантом**, является необходимым, поскольку на нем заговорили все последующие поколения философов, лишь добавляя в него новые слова и конструкции.

И здесь кроется огромный плюс. В отличие от **Спинозы** или **Лейбница**, чьи идеи могут показаться устаревшими и требующими "актуализации", **Канта** можно "потреблять в сыром виде". Когда вгрызаешься в его текст, вопрос "а зачем это сегодня нужно?" просто не возникает. **Кант** — абсолютно живой философ, его мысль остра и актуальна по сей день, что подтверждается бесчисленными конференциями и спорами вокруг его наследия.

Два полюса мысли: Опыт и Трансценденция

Теперь перейдем к ключевому и самому сложному слову в названии нашей темы — «**трансцендентальный**». Чтобы понять его смысл, необходимо сначала разобраться в двух других понятиях и их парадоксальной взаимосвязи.

В философии существуют две базовые отправные точки:

1. **Опыт** (греч. *ἐμπειρία*, *empeiria*; лат. *experientia*) — совокупность всего, что мы получаем в результате контакта с миром, наших переживаний и ощущений.
2. **Трансценденция** — то, что выходит за пределы опыта. Это нечто, находящееся "по ту сторону" и в силу структурных особенностей принципиально недоступное для нашего восприятия.

Если рассматривать *содержание* философских учений, то их легко разделить по этому принципу. Например, **эмпиризм** делает упор на опыт, в то время как философия **Платона** с его миром идей очевидно апеллирует к чему-то трансцендентному.

Однако ситуация кардинально меняется, если мы сместим фокус с *содержания* на *критерий достоверности*, то есть на то, *почему* мы считаем то или иное утверждение истинным. Здесь история философии предлагает нам всего два фундаментально различных подхода.

Конструкционный критерий достоверности: сложная сборка и сходимость с «оригиналом»

Это базовый, наиболее древний тип достоверности, уходящий корнями в здравый смысл. Его суть — в **сходимости** или **соответствии** некоторой ментальной **конструкции** с **опытом** («оригиналом», «реальностью»).

Классический пример: муж возвращается с утренней пробежки, но он совершенно сухой. Жена сомневается в его словах. Почему? Потому что ее предыдущий опыт говорит, что после пробежки человек должен быть потным. У нее в голове есть ментальная конструкция "человек после пробежки", и она сверяет вербальную конструкцию мужа ("я бегал") с этой опытной моделью. Обнаружив несоответствие, она задает резонные вопросы.

Этот принцип переносится и в теоретическую мысль. Чтобы как можно точнее описать реальность, наша конструкция должна становиться все более **сложной**, составной, композитной. Мы берем элементы (понятия) и производим их **сборку** (греч. λόγος, *logos*) по определенным правилам, которые называются **логикой**. Предполагается, что чем сложнее и детальнее наша схема, чем больше в ней классификаций, таблиц и иерархий, тем точнее она отражает оригинал — опыт. Этот путь постоянного усложнения был основным для античной и средневековой мысли.

Однако у этого подхода есть фундаментальная проблема, с которой мы уже сталкивались, — **проблема предельного основания**. Мы можем создать несколько внутренне непротиворечивых и логичных конструкций (как, например, у **Парменида** и **Гераклита**), которые будут соответствовать опыту, но при этом противоречить друг другу. Возникает вопрос: на каком основании мы выбрали для сборки именно эти исходные элементы, а не другие?

Интуитивный критерий достоверности: прямое постижение истины

Осознав проблему конструкционного подхода, философ-францисканец XIV века **Иоанн Дунс Скот** предложил альтернативу. Он назвал традиционный метод **cognitio abstractiva et sensitiva** (познание абстрактное и чувственное) и противопоставил ему **cognitio intuitiva** (познание интуитивное).

Если первый критерий основан на **сложности** и соответствии, то второй — на **простоте** и **самоочевидности**. Интуитивный критерий — это не сложная схема, а непосредственный контакт с реальностью, мысль, которая "цепляет" нас своей очевидностью и не требует

проверки через опыт. Она не конструируется, а схватывается моментально. Она не усложняет, а, наоборот, "развязывает узлы", снимая всю сложность одним ходом.

Для обозначения этой простой, единичной и уникальной данности **Дунс Скот** ввел термин **haecceitas** (от лат. *haec* — "это"), который можно перевести как "**вот-этость**". Это уникальная сущность вещи, которая не сводится к набору ее общих признаков (цвету, форме, материалу). Единственный достоверный пример **haecceitas**, доступный нам напрямую, — это наше собственное "**Я**", а точнее — уникальный ракурс, позиция, с которой каждый из нас в данный момент смотрит на мир. Никто другой не может занять в точности ту же самую позицию. Эта уникальность и непосредственная данность нашего "**Я**" является для нас самоочевидной.

Именно этот интуитивный критерий и лег в основу философии Нового времени, прежде всего у **Рене Декарта**. Его знаменитое "мыслью, следовательно, существую" — это не результат сложной конструкции, а попытка найти ту самую простую, ясную и отчетливую (*clarus et distinctus*) точку абсолютной достоверности, которая сама себе служит предельным основанием.

Парадоксальная инверсия: «содержание» против «критерия достоверности»

Теперь вернемся к нашему изначальному различению. Мы видим парадоксальную инверсию:

- Философия **Платона**, *по содержанию* трансцендентная, использует *критерий достоверности*, основанный на опыте (конструкционный). Какую бы умозрительную метафизику он ни строил, ее конечная цель — соответствовать опыту жизни в древнегреческом полисе, вести человека к благу и счастью.
- Философия **эмпиризма** (например, **Юма**), *по содержанию* основанная на опыте, использует *критерий достоверности*, который является трансцендентным (интуитивным). Утверждение "я воспринимаю этот стул, и сам факт восприятия достоверен, даже если стул — галлюцинация" не выводится из опыта. Эта достоверность самого акта восприятия постулируется как интуитивно самоочевидная.

Таким образом, содержание учения и способ его обоснования — это совершенно разные вещи. Есть то, *о чем* говорит философ, а есть то, *почему* его аргументы кажутся нам убедительными. И здесь мы подходим к главному.

Великая Кантовская Революция: Третья Перспектива

Оба критерия достоверности, как мы видели, имеют свои проблемы. Конструкционный ведет к неразрешимому конфликту разных систем. Интуитивный же страдает от "дрейфа": то, что очевидно для **Декарта** (существование мыслящего "**Я**"), неочевидно для эмпириков, которые находят точку очевидности в самом акте восприятия. Затем приходит **Лейбниц** и заявляет, что первичнее всего — "возможное", а не ощущения. А **Спиноза** мог бы сказать, что все они неправы, потому что мыслят в пассивном режиме. Точка интуитивной достоверности постоянно смещается, порождая все новые и новые школы и конфликты.

Кант, как представляется, обладал особым, болезненным отношением к ситуациям неразрешимого конфликта. Вся его философия пронизана поиском источника этих разногласий и, как следствие, поиском того, что могло бы по-настоящему объединить всех людей. Модерн породил фрагментированную, “коллажную” картину мира, в которой нет единого “интегрального” поля. Сверхзадача **Канта** — найти это поле.

И для этого он задает совершенно новый, революционный вопрос. Он не спрашивает: "Какой критерий верен — конструкционный или интуитивный?". Он не пытается выбрать между ними или синтезировать их. Он спрашивает: **«При каких условиях (нем. *Bedingung*) мы вообще считаем что-либо достоверным? Почему тот или иной критерий в принципе нас в чем-то убеждает?»**

Этот вопрос смещает всю перспективу. Мы перестаем использовать “конструкцию” или “интуицию” как инструмент и превращаем их в объект исследования. Мы как бы “ломаем четвертую стену” в философии. Подобно персонажу, который вдруг обращается напрямую к зрителю, **Кант** перестает играть по правилам “внутри” философской сцены и смотрит на саму эту сцену со стороны.

Эту новую, третью перспективу, этот метод исследования самих условий возможности достоверности, **Кант** и называет **“трансцендентальным”**. Вспомнив старый схоластический термин **transcendentalis**, которым обозначали “сверх-категории”, не вписывающиеся в систему **Аристотеля**, **Кант** дает ему новую жизнь.

“Трансцендентальное” — это не то, что за пределами опыта (трансцендентное), и не сам опыт. Это как бы исследование **границы** “между” ними. Это третий критерий достоверности, который не ищет истину “в объекте”, а ищет условия, при которых мы вообще можем говорить об истине.

Мы больше не спрашиваем: "Реален ли этот маркер?". Мы задаем два других вопроса:

1. Почему тот факт, что я его воспринимаю, убеждает меня в том, что он есть?
2. И почему, черт возьми, я вообще его воспринимаю?

Это грандиозный прорыв, “локальный апокалипсис” в философии, который полностью изменил правила игры.

Кантовский метод в действии: учебный пример

Чтобы понять, как работает этот метод, обратимся к базовому конфликту философии Нового времени: спору между дуализмом **Декарта** и материализмом **Гоббса**.

- **Позиция Декарта (дуализм):** Есть две субстанции — мыслящая и протяженная (“природа”). Наше мышление не является частью природы. Проблема: что это за загадочная мыслящая субстанция? Ей невозможно дать определение в терминах познаваемого мира.
- **Позиция Гоббса (материализм):** Мышление — это часть природы, процесс в мозге. Проблема: если наш познающий аппарат (мозг) сам является частью исследуемой системы (природы), мы никогда не сможем быть уверены, что в нем нет врожденной ошибки, искажающей наше познание. Это парадокс замкнутой системы.

Мы получаем порочный круг: решая проблему **Гоббса** (вынося наблюдателя за пределы системы), мы приходим к проблеме **Декарта** (непознаваемость наблюдателя), и наоборот. Другие мыслители, например **Спиноза**, пытались решить эту проблему, объединив "плюсы" обеих позиций. **Кант** же фактически (пример учебный: у Канта в таком виде он нигде не фигурирует) предлагает самое изящное решение: **объединить их "минусы"**.

Он мог бы сказать: а что, если эти две проблемы — непознаваемость мыслящей субстанции у **Декарта** и непознаваемость системы "изнутри" у **Гоббса** — на самом деле *одна и та же "проблема"*? И что, если это вовсе не проблема, а *фундаментальное свойство реальности, граница нашего познания*?

Эту границу, эту общую для обеих позиций "слепую зону", **Кант** называет **Ding an sich** — «**вещь в себе**» (или, точнее, «вещь сама по себе»). Это не таинственная загадка, которую нужно разгадать. Наоборот, это та область, где процесс познания должен **остановиться**. Когда мы пересекаем эту границу, мы попадаем в зону равносильных, но противоречащих друг другу утверждений (то, что античные скептики называли *изостенией*, а **Кант** назовет *антиномиями*), где можно доказать все что угодно и где возникают все философские конфликты. Задача трансцендентальной философии — не проникнуть за эту черту, а **точно определить, где она проходит**, чтобы не пересекать ее.

Контракт с Декартом: От «мыслящей субстанции» к свободе воли

Представим, что отчаявшийся в споре с **Гоббсом** **Декарт** сидит в полном бессилии, неспособный доказать существование мыслящей субстанции. К нему подходит **Кант** и, словно Мефистофель, предлагает сделку, «контракт». Этот образ — ключ к пониманию его метода. **Кант** предлагает решение проблем любому философу, чья концепция зашла в тупик.

Суть сделки проста: отказаться от претензии на описание реальности как таковой и переосмыслить свою концепцию как проявление определённой способности нашего разума. Например, ты, **Декарт**, можешь больше не мучиться, пытаясь объяснить, что такое мыслящая субстанция. Ты можешь оставить этот вопрос непознаваемым, но при одном условии. Ты должен признать, что твой **дуализм** — это не модель объективной реальности. На самом деле, это проявление некой твоей способности, или, как говорит **Кант**, **Vermögen** (нем. *способность, ресурс, достояние*).

Какая же это способность? Это способность **к действию, к свободному принятию решений, «автономия воли»**.

Представьте, что я пытаюсь найти правило, по которому принял то или иное решение. Если я найду такой алгоритм, это будет означать, что **у меня нет свободы воли**, ведь мои действия предопределены. К счастью, это невозможно. Как только я найду правило А, по которому я действую, тут же возникнет вопрос: а по какому правилу Б я решил искать правило А? А по какому правилу В я решил искать правило Б? Это «рефлексивное размножение» уводит нас в дурную бесконечность. Мы никогда не найдём окончательной причины своих поступков.

Именно этот факт — невозможность познания способа принятия решений — **Кант** мог бы перевести в позитивное утверждение. Раз мы не можем познать как именно мы принимаем решения, то значит, у нас есть **свобода воли**. Таким образом, онтологическая проблема

Декарта превращается в достоинство, в утверждение о фундаментальной способности нашего разума — способности к *свободному действию*.

Контракт с Гоббсом: От «законов природы» к универсальности / общезначимости знания

Аналогичный контракт Кант предлагает и Гоббсу, который столкнулся с проблемой познания мира. Мы привыкли думать, что, открывая законы природы (например, законы Ньютона), мы описываем объективную реальность. Кант говорит: «Нет».

Суть второго контракта в том, чтобы признать: “законы природы” — это не то, что мы находим в мире. “Законы природы” — это то, *через* что мы на этот мир смотрим. Это своего рода «очки», которые невозможно снять. Это структура нашего собственного разума, которую мы “накладываем” на мир, чтобы он вообще стал для нас познаваемым. Мир является нам уже законосообразным, потому что таково *условие его восприятия и познания*.

Это означает, что наше знание **не объективно** — оно ничего не говорит о **Вещи в себе**. Это плохая новость. Но есть и хорошая: это знание **универсально и общезначимо**. Любой носитель разума, обладающий такими же «очками», будет видеть мир точно так же — его знание будет совпадать с нашим.

То есть когда Кант говорит об универсальности, он имеет в виду не только **всех людей**. Условия познания и действия едины для **любого носителя разума**, с которым в принципе возможна **коммуникация**. Будь то человек или гипотетический инопланетянин, если мы можем вступить с ним в диалог, значит, его базовые «очки» устроены так же.

А что насчёт тех, с кем коммуникация невозможна? Существо, чей разум устроен принципиально иначе, чьи «очки» мы даже не можем себе представить? Такое существо для нас навсегда останется в области **Ding an sich**. Мы можем его воспринимать, но никогда не признаем в нём субъекта, потому что у нас нет общей основы для диалога.

«Коперниканская революция»: от Объекта к Субъекту

Поэтому “законы природы”, открываемые физикой, работают для всех и всегда, но не потому, что они “описывают реальность”, а потому, что они описывают *структуру нашего познавательного аппарата*. Познание, с точки зрения **Канта**, — это не пассивное отражение мира, а активное его **структурирование**. Мы находим в мире то, что сами туда заложили.

Этот ход мысли Кант сам называл своей “Коперниканской революцией”. Подобно тому как Коперник поменял местами Землю и Солнце, Кант совершил переворот в теории познания: в её центре оказался не объект (мир), а **субъект** (познающий разум).

Это означает конец **онтологии** — учения о Бытии как таковом, “реальности без наблюдателя”. Любая попытка построить модель реальности сваливается в область непознаваемого **Ding an sich**. Наступает, если угодно, «кантовский апокалипсис»: вся предыдущая философия, пытавшаяся описать мир, аннулируется.

С этого момента философия начинает заниматься не столько “миром”, сколько самой собой. Её главная задача — исследовать **мыслящего субъекта**, его устройство, его способности (**Vermögen**) и границы их применения.

Вся история философии становится для **Канта**, по сути, гигантским экспериментальным материалом. Споры **Декарта и Гоббса, Платона и Аристотеля, реализма и номинализма** и др. — это не просто конфликты разных моделей мира. Это конфликт разных способностей внутри самого разума, который спорит сам с собой. Например, из спора Декарта и Гоббса можно вывести существование **теоретического разума** (способность к познанию) и **практического разума** (способность к действию) — это два автономных, независимых “блока”, которые находятся в сложном взаимодействии, а иногда даже в конфликте. Наша задача — понять это устройство.

Таким образом, мы ничего не знаем о себе изначально. Мы не даны себе в непосредственном опыте, как думал **Декарт**. Наш разум — это сложное устройство, переплетение различных способностей, и только теперь, после **Коперниканской революции**, у нас появляется шанс начать его изучать, используя всю историю человеческой мысли как материал для исследования.